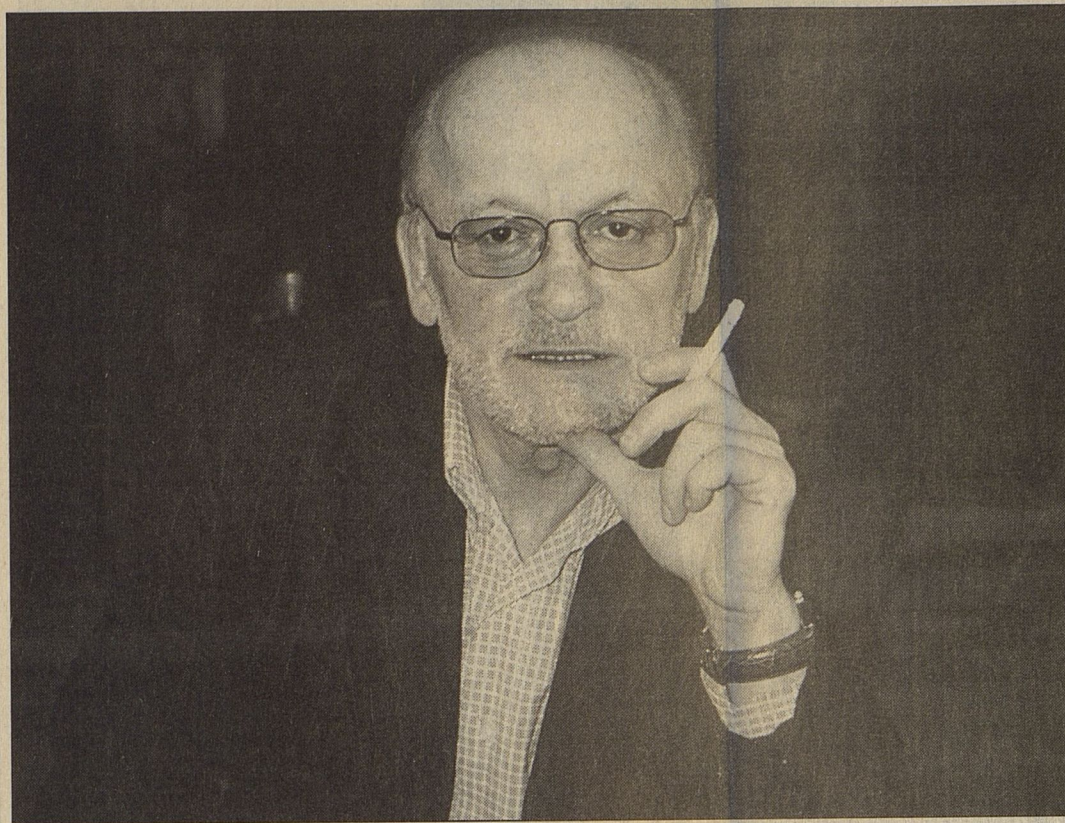

МИХАИЛ РАБИНОВИЧ:

Культура. - 2002. - 11-17 апр. - с. 12

Зрителю нужна сказка с хорошим концом

Театральная жизнь в Башкирии не прекращалась ни на день с середины позапрошлого столетия, когда в Уфе под патронатом губернатора Григория Аксакова — сына известного писателя — было выстроено первое здание постоянного театра. Сегодня Русский драматический театр Башкортостана известен далеко за пределами республики. В его богатом репертуаре не просто разнообразные, но сложные и, надо сказать, дорогостоящие постановки. Последнее — заслуга дирекции и республиканского Министерства культуры; в воплощении же изысканных замыслов главная роль принадлежит художественному руководителю Республиканского академического русского театра драмы Башкортостана, заслуженному деятелю искусств РФ и РБ Михаилу РАБИНОВИЧУ.

М.Рабинович

— Михаил Исакович, не так давно вся республика торжественно отметила ваш 60-летний юбилей. Скажите, а как вы сами оцениваете достигнутое?

— Нет смысла жалеть о пройденном пути. Каждый делает ровно столько, сколько ему назначила судьба. Мне-то посчастливилось как раз: в родне не было людей искусства, никто меня профессионально не ориентировал. Впрочем, научиться профессии режиссера, по-моему, вообще невозможно: либо это заложено в человеке от природы, либо нет. Потому, кстати, и дети не пошли по моим стопам. Ну а какой режиссер из меня получился, не мне о том судить. Шел я к своему делу достаточно сложным путем — через технический вуз и работу у станка. Я и сейчас волнуюсь как-то по-особому, если случится почувствовать запах нагретого металла: хочется к нему притронуться, вновь испытать себя на этом материале.

— А что самое приятное в вашей нынешней профессии?

— Репетировать. Только репетиции!

— Надо ли это понимать так, что на премьере вы прячетесь за кулисы?

— Говорить, что готовый спектакль мне больше не интересен, я, конечно же, не стану. Премьера — не конец, а продолжение работы над спектаклем. Я стараюсь по возможности смотреть готовый репертуар, что-то добавлять, что-то поправлять и переделывать. Спектакль — как ребенок, нехорошо его оставлять без родительской опеки.

— Все дети рано или поздно вырастают. А случается, увы, и не доживают до зрелости. У вас было такое?

— Спектаклям, которые, как говорится, больше не жильцы по тем или иным причинам, просто не даю угасать в медленной агонии. Своей рукой избавляю от лишних мучений!

— Я, собственно, не это имел в виду. Вот, скажем, кинематограф — он запечатлевает процесс на пленке. Ее можно хранить десятки лет, отложить, потом вернуться, «остановить мгновение» или отмотать назад, пропустить ненужное. Театр такой возможности лишен: зрители смотрят каждый раз от начала до конца один и тот же спектакль. Рано или поздно спектакль уходит со сцены и забывается. Не жалко?

— Всегда жалко. Но сожаление может быть вызвано разными причинами. Первая: спектакль не получился. Тогда я стараюсь быстрее снять его с репертуара, как бы это ни было трудно и больно. В таких случаях неизменно чувствуешь вину и стыд: я даже предлагал директору, что буду сам возмещать убытки от таких изъятий. А тут еще артисты, бывает, возмущаются: что вы делаете, мы так любим этот спектакль, а вы его снимаете!

Другой случай — спектакль прожил отмеренный ему срок и сходит со сцены. Были такие: например, «Касатка» по Алексею Толстому, «Самоубийца» по Эрдману. Или «Пять романсов» по пьесе Владимира Арно — мой первый спектакль в этом театре, когда я только пришел сюда, вернувшись в Уфу. Я ведь коренной уфимец, но так сложилось, что пришлось надолго уехать в Дагестан, за что я благодарен судьбе. Замечательная республика, ее народ невозможно не полюбить. Сменить же место пришлось из-за извечных затруднений с обкомом пар-

тии, но эту тему развивать ни к чему — ни КПСС, ни обкома больше нет. А когда я вернулся, меня взяли в Русский драмтеатр сначала на один спектакль, те самые «Пять романсов». Тогда вышел спор с директором. Он сказал: «Миша, если тебе удастся сделать четыре аншлаги, ставлю ящик коньяка». Тот спектакль имел шестнадцать аншлагов; для 1984 года в Уфе — событие. А когда я в первый раз вышел кланяться вместе с артистами, мне показалось, что сердце сейчас остановится: в зале я увидел всех старых знакомых и друзей. Сразу всех! И пресловутый обком в полном составе. Конечно, прощаться с этим спектаклем было жалко до слез.

Потом был «Кошелек» по пьесе Рошнина об авиамоторном заводе, который уезжает на восток от войны. Люди разных профессий, социального положения, разных национальностей очень долго едут в поезд и конфликтуют между собой, но в какой-то момент начинают понимать, что выжить они могут только все вместе, невзирая на разли-

чия. В Уфу был эвакуирован точно такой же завод, и спектакль, собственно говоря, я посвятил ему. Многие остались здесь после войны. Пожилые люди в зале плакали, вспоминая прошлое. На премьере один потерял сознание, и долго потом на спектаклях витал запах валерьянки.

— К вам часто приходят поклонники? Дамы пишут записки?

— На записки такого рода я не отвечаю, но со зрителями общаюсь. Независимо от уровня их, как сейчас говорят, «продвинутой».

— И все-таки, возвращаясь к самому первому вопросу, — вам ничего не хотелось бы изменить в жизни, как она сложилась на сегодня? Скажем, перебраться в другой театр. Ведь есть, наверное, самые лестные предложения, в том числе заграничные?

— Здесь не только мои корни, могилы родителей, но и вся моя жизнь. Я по натуре человек оседлый, этак, можно сказать, абориген. Министр культуры на одном из спектаклей удивился: мол, откуда ты,

человек городской, так хорошо знаешь башкирскую деревню? А почему я не должен ее знать, если это — моя деревня на моей земле? Я там бываю и все это вижу.

— Постоянные репетиции, с одной стороны, конечно, процесс творческий, но с другой — в той же мере и рутинный из-за своей повторяемости. Что вас подпитывает жизненной энергией, когда появляется усталость?

— Три источника. Во-первых, сам театр. Во-вторых, моя семья. В-третьих, друзья. Жаль, что на книги остается времени все меньше. А потребности путешествовать куда-то, чтобы набираться новых впечатлений, я не чувствую.

— Какие сюжеты вы больше любите ставить? Трагические или со счастливым концом?

— Раз на раз, конечно, не приходится. Но какие-то закономерности у каждого времени есть. Сейчас, например, зрители, как мне кажется, особенно остро нуждаются в сказке. А у сказки, разумеется, конец должен быть счастливым. Была по-

ра, в театр по разнарядке спускали квоты: одна пьеса — о руководящей роли партии, одна — о хорошем советском человеке; подходит юбилей автора, и тоже надо давать спектакль. Потом наступило время, когда все хотели выговорить накопившую правду. Наконец появились сложные пьесы прекрасных авторов, разбираться в их подтекстах и интонациях было одно удовольствие, но общий пафос угнетал: вот, смотрите, на какой помойке мы живем, и ничего-то в ней не может измениться. И это мы тоже ставили, но сейчас, я считаю, зритель устал от страшного и хочет доброты. Ну сколько, по-вашему, бездомных и наркоманов придет смотреть спектакль про бомжей и наркотики? А остальным, сидящим в зале, чем это реально поможет в их проблемах и делах? Зритель хочет вспомнить, что возможна и другая жизнь, что в мире бывают вера, надежда, любовь. Чтобы им, в конце, концов, жить захотелось!

— Помню вашу «Снегурочку» по Островскому — настоящая феерия. Это, кажется, было года четыре назад?

— В девяносто седьмом. С тех пор мы еще не одну сказку поставили.

— А есть ли проблемы у вашего русского театра, действующего в национальной республике?

— От Советского Союза осталось много русских театров в самых разных национальных республиках. Где-то эти проблемы, безусловно, существуют, но, слава Богу, не у нас.

Президент республики, правительство, Министерство культуры меня ни в чем не ущемляют. Наоборот, все стараются помочь. Не помню случая, чтобы наш президент отказал мне в том, что я у него просил. Полное взаимопонимание. Откровенно говоря, не знаю, как бы я работал, если бы у нас в республике была какая-нибудь другая власть. Может быть, и не работал бы вообще. Даже думать об этом не хочется.

Знаете ведь, как на Востоке принято — при встрече долго, не спеша расспрашивать друг друга, какживают родные, как дела в хозяйстве, как овцы, как кони... Вот и меня, когда случается зайти в чей-нибудь высокий кабинет, хозяйева спрашивать первым делом: всегда ли полон ваш уважаемый зал? Это не значит, что мы превращаемся в нахлебников. Наоборот, стараемся научиться сами зарабатывать где можно, добиваться окупаемости на-

шего труда. И зарабатываем — не только на зарплату, но и на новые сложные постановки. Разве что когда делаем какой-нибудь совсем уж амбициозный проект, вроде той самой «Снегурочки», приходится обращаться за помощью. Пользуясь случаем, я искренне и от всего сердца низко кланяюсь нашему президенту за понимание и поддержку.

Более того, скажу еще о «национальном». Как-то дирекция заказала социологам такое исследование, они посчитали и выяснили, что на каждом нашем спектакле из каждого десяти зрителей четверо — башкиры и татары. Значит, мы им интересны и нужны.

Хотя вообще проблемы есть, конечно, куда же без них. Например, из молодых актеров почему-то в последнее время приходят сплошь девочки. Красивые, талантливые, но какой спектакль можно вытянуть только на них одних?

— А что для вас самое страшное в театре?

— Все, что встречается и в жизни. Все это находит отражение на театральной сцене.

— Вот мы и добираемся до самого традиционного вопроса из тех, что принято задавать людям творчества: над чем работаете сегодня?

— Пока могу открыть не слишком многое. Мы изменили название одной пьесы, спектакль будет называться «Приглашаю в вечность, ваше величество». Суть его вот в чем: чтобы заслужить вечность, нужно всегда оставаться самим собой.

— А в постановку вы при этом кого-нибудь приглашаете?

— Нет, мы вообще почти этого не делаем, обходимся собственным составом, как одна семья. И эту атмосферу обязательно видят и отмечают коллеги, приезжающие для знакомства. Может быть, кто-то такое сочтет чрезмерной замкнутостью, кому-то я сам покажусь занудным домоседом. Но по крайней мере коллектив у нас работает с большой слаженностью, нет такого, как бывает, чтобы кто-то выезжал на спинах ближних.

— Вы вкладываете душу в постановки. Зрители платят вам своими эмоциями. Скажите, это больше, чем слава и деньги?

— Больше. Это — мечта, это счастье и боль.

Беседу вел
Григорий ПОЛЯНСКИЙ
Уфа — Москва